

Весть о том, что семья Ли из деревни Сипин получила от уездного судьи почётную доску и целую сотню лянов серебра, мгновенно разлетелась по округе. Быстрее всего новости достигли соседней деревни Дунпин.

Ли Гуйхуа как раз кормила маленького Гу Чэня, попутно костя на чём свет стоит Те-даня и Хэ-тоу — сорванцы с самого утра где-то пропадали. Вдруг со двора донёсся голос старшей невестки:

— Гуйхуа, ты дома? Хорошие новости, новости-то какие!

— Да что за новости?

«Неужто свекровь решила отдать свою новую тёплую кофту?» — мелькнуло в голове у женщины.

Она до сих пор с завистью вспоминала ту стеганую куртку, что Ли Чжоучжоу подарил матери на шестидесятилетие. Ли Гуйхуа потом специально ходила в город прицениться — ткань дорогая, да ещё и вышивка...

Старшая невестка, госпожа Чжу, уже вбежала в дом. Не найдя никого в главной комнате, она крикнула:

— Гуйхуа! Ты где?

— Здесь я, — отозвалась та из спальни. — Младшего кормлю.

Госпожа Чжу, не дожидаясь приглашения, вошла в комнату. Увидев невестку на печи с ребёнком на руках, она затараторила:

— Поторапливайся, собирайся! Скоро пойдем в Сипин, поздравлять будем.

— С чем это поздравлять? — Ли Гуйхуа замерла в недоумении. — Чжоучжоу, что ли, понес? Да нет, рано ещё... Да и с чего бы мне так бежать его поздравлять?

— Да при чём тут это! — Госпожа Чжу так и светилась от радости. — У меня от волнения все слова перепутались. Слушай: сегодня утром сам уездный судья в Сипин приезжал! Говорят, пожаловал семье Ли Да почётную доску и сто лянов серебра в придачу!

— Что?!

Руки Ли Гуйхуа дрогнули, и маленький Гу Чэнь, лишившись опоры, скатился на одеяло. Оставшись без молока, младенец тут же залился плачем. Мать машинально похлопала сына, но кормить дальше не стала — все мысли были заняты другим.

— Как это... сам великий господин пожаловал? С чего бы это? За что?!

Старшая невестка и сама толком не знала.

— Слышала только обрывки. Мой мужик и твой уже в Сипин убежали, меня вот послали тебя кликнуть. Ты всё же мать Чжао'эр, по совести — в такой день ты первая должна там быть. Ладно, я побежала, надо ещё свекрови всё рассказать, пусть и старушка порадуетя.

Госпожа Чжу умчалась, оставив Ли Гуйхуа в полном оцепенении. Как же так? Сам глава округа... Что же такого должно было случиться, чтобы сам судья в их глушь пожаловал?

Высокий гость покинул Сипин ещё до полудня, пробыв в деревне совсем недолго. Но новости, достигнув Дунпина, подняли на ноги всех — от мала до велика. Каждая семья спешила в Сипин, чтобы своими глазами увидеть чудо.

Даже древние старики, которые и ходить-то сами уже не могли, требовали, чтобы внуки несли их на спинах. Один такой почтенный старец, разменяв уже девятый десяток, ни в какую не желал оставаться дома. Его тридцатилетний внук, крепкий мужик, только вздохнул и, закинув деда на плечи, зашагал в соседнюю деревню.

У дома Ли Да было не протолкнуться. Хозяин сначала планировал подождать пару дней, зарезать свинью и тогда уже вешать почётную доску, но поток гостей был неудержим. Ворота распахнули настежь, а саму доску, обёрнутую алым шёлком, торжественно водрузили на большой стол посреди двора.

Ли Чжоучжоу без устали кипятил воду и заваривал чай, а Гу Чжао, поднося гостям жареный арахис и семечки, приветливо со всеми здоровался.

Вскоре гостей стало так много, что к ним потянулись не только односельчане, но и жители Дунпина. Местные — кто приходился семье роднёй или просто соседом — тут же принялись помогать. Госпожа Тянь, дядя Ван, женщины из семьи старосты — все хлопотали по хозяйству. Не остались в стороне и Лю Хуасян с Син-гэ'эром.

Хоть Ли Да и заявил при всех, что теперь его дом — сам по себе, но в такой радостный день семья Ли Эра пришла с улыбками и подарками. Не выставлять же их за ворота? В конце концов, между братьями не было такой уж смертельной вражды.

Отец и старший дядя Гу Чжао прибежали одними из первых. Пришли в спешке, с пустыми руками — при себе и денег-то особо не было. Ли Да, видя их замешательство, первым пришёл на помощь: сказал, что скоро будет пир, и пригласил сватов приходить уже тогда, со всеми почестями. Братья Гу с облегчением согласились.

Толпа вокруг стола с почётным знаком не редела. Люди, хоть и не умели читать, благоговейно рассматривали доску, надеясь, что частичка «чиновничьей удачи» перейдёт и на них. Учёный Гу терпеливо объяснял каждому, что означают иероглифы.

Староста, сияя как начищенный таз, с гордостью рассказывал гостям из Дунпина о небывалом урожае Сипина. Те слушали с нескрываемой завистью и всё пытались выведать рецепт чудо-удобрения.

Это был самый важный вопрос. Гу Чжао, видя всеобщий интерес, громко объявил:

— Раз сам уездный судья пожаловал нам награду, значит, скоро это удобрение начнут внедрять повсеместно. Не волнуйтесь, почтенные, ждите распоряжений от властей. Господин судья печётся о народе как о собственных детях, он никого не обделит!

Лесть в адрес начальства никогда не бывает лишней. Услышав это, люди немного успокоились.

Гостей прибывало всё больше. Ли Да вручил денег старшему сыну старосты и попросил его съездить в город на муле за покупками: нужны были семечки, сладости, вино. Мясо решили не покупать — Ли Да твёрдо вознамерился завтра забить свою свинью и устроить пир на всю деревню.

Заикнулись было о покупке яиц, но староста тут же пресёк эти разговоры:

— В такой день — и яйца покупать? У каждого в доме найдётся по десятку. Кто принесёт в дар, кто продаст по-соседски — свои всё же, донесём в целости!

Так и решили. Сын старосты, довольный поручением, пришпорил мула и умчался в город.

К вечеру вести достигли и деревни Шили.

В доме Чжу Лаосы как раз ужинали жидкой кашей. Услышав новости, Чжу Лаосы так поперхнулся, что зёрна проса полезли через нос. Он долго кашлял, но на прерванный ужин никто не обратил внимания — все требовали подробностей.

— Дядя, я же знаю, вы с Ли Да в дружбе, вот и прибежал рассказать! — кричал гонец. — Истинная правда! Завтра в Сипине свинью бьют, всех на обед зовут!

— Я тоже завтра пойду поглазеть, — подхватил кто-то. — Столько лет живу, а живого чиновника в глаза не видел.

— И я пойду, и малого с собой возьму! Пусть посмотрит на почерк самого уездного судьи. Глядишь, и мой оболтус когда-нибудь в люди выбьется...

В доме гончара Чжу творилось то же самое. Старик так и сиял:

— Я же говорил! Сразу видно было, что зять семьи Ли, Учёный Гу — человек большого будущего!

На этот раз его старший сын не стал ворчать под нос о «пустых надеждах». Шутка ли — сам судья приехал! С доской и серебром!

Теперь уже никто не сомневался: семья Гу, должно быть, локти кусает от досады. Продать такого самородка в мужья-зятя за каких-то восемнадцать лянов... Какая непростительная глупость!

И они действительно кусали.

Вернувшись из Сипина, Ли Гуйхуа потеряла покой. Она сидела на печи, уставившись в одну точку, а потом вдруг вскинулась: так не пойдёт! Почётная доска от судьи — это и их гордость тоже! А из той сотни лянов им по праву причитается как минимум пятьдесят!

Она принялась подстрекать мужа пойти и потребовать долю. Четвёртый Гу и сам терзался сомнениями, но идти с протянутой рукой ему было совестно. Ли Гуйхуа, почуввав его колебания, заголосила:

— Ах ты, святоша! Стыдно тебе? Ну и сиди! А мне не стыдно! Я сама пойду! Чжао'эр — наш сын, кровь от крови! И способ этот он придумал, когда ещё в нашем доме жил! С какой стати всё должно достаться семье Ли Да?!

Её тираду прервала вошедшая в дом бабушка Гу. Следом за ней явились старший брат с женой.

— Так я и знала! — отрезала старуха, усаживаясь на стул. — Знала, что Ли Гуйхуа от жадности покоя лишится и скандал затеет. Сынок, неужто ты и впрямь собрался идти к свату деньги вымогать?

Четвёртый Гу промолчал, а мачеха не унималась:

— Матушка, а что я такого сказала? Чжао-эр — наш ребёнок. Если его наградили, то и семья должна пользу получить!

Бабушка Гу смерила невестку тяжёлым взглядом.

— Если вы хоть немного любите сына и вправду считаете его своим — сидите дома и не высовывайтесь.

— Да как вы можете такое говорить! Именно потому, что он наш, мы и должны пойти! — Ли Гуйхуа чуть не плакала от жадности. Сто лянов! Целое состояние!

Старая госпожа Гу молча встала и отвесила невестке звонкую пощечину.

Женщина замерла. Щёку обожгло огнём, но обиднее всего было то, что это произошло при старших родственниках. Она уже открыла рот, чтобы заголосить об обиде, но, встретившись с ледяным взглядом свекрови, осеклась. За все годы жизни в семье Гу она ни разу не видела старуху в таком гневе.

— Матушка, не сердитесь, здоровье дороже, — поспешно вставил Четвёртый Гу, видя, что дело принимает серьёзный оборот. — Не пойдём мы никуда, раз вы против.

Старуха видела, что сын говорит это лишь из страха, а в душе всё равно лелеет надежду на лёгкие деньги. Опираясь на руку госпожи Чжу, она снова села и тяжело вздохнула:

— Ты думаешь, я ударила её из любви к семье Ли? Глупец. Ты из моей утробы вышел, неужто я родного сына ради чужих людей обижу? Я же о тебе пекусь!

Бабушка Гу посмотрела на него с нескрываемым разочарованием.

— Вспомни: когда Чжао'эр не сдал экзамены, кто первый закричал, что толку от него не будет? Кто пожалел денег на его учёбу и лишил его будущего? Ты и пожалел! Тогда-то вы с сыном и стали чужими.

— Ли Гуйхуа тебя подзуживала, а ты и рад был слушаться. Думал: детей много, один неудачник — не беда, зачем на него тратиться? В поле не работает, в город не идёт... А давай-ка отдадим его в зятя Ли Да за восемнадцать лянов! Так ведь было?

— Вы отделились, и я не стала вмешиваться, чтобы не прослыть сварливой старухой. Позволила вам поступать как знаете. Но неужто ты не понимаешь, что такое муж-зять? Чжао'эр теперь — часть семьи Ли. Он там живёт, там и похоронен будет. К нашей семье он больше не имеет отношения!

Старая госпожа Гу буквально срывала маски с их корыстных побуждений.

— Ты всё это прекрасно понимаешь, но серебро Ли Да глаза застит. Вот и позволяешь своей

бабе глупости творить!

Отец Гу не смел поднять головы. Ли Гуйхуа тоже притихла, хоть в голове и крутилась мысль: «Ну ведь в жилах-то у него наша кровь течёт... Не пятьдесят, так хоть тридцать лянов могли бы дать...» Но вслух сказать побоялась — свекровь могла и добавить.

— Она-то баба недалёкая, — продолжала бабушка Гу, — но у тебя-то должен быть ум? Представь: пойдёте вы скандалить. Назавтра же об этом узнает не только Дунпин, но и Шили, и сам город! Скажут: «Семья Гу из Дунпина пришла вымогать деньги у сына, которого сами же в зятя продали!»

— О своём позоре не думаете, так о семье подумайте! У тебя, Гу Сы, ещё трое сыновей подрастают. Кто после такого за наших девок пойдёт? Кто к нам в дом дочерей отдаст? Скажут, что Гу ради серебра родного сына продали, а как тот в люди выбился — грабить пошли! Имейте же совесть!

Слова старухи были тяжёлыми и верными. Старшая невестка, которая поначалу жалела Гуйхуа, теперь лишь согласно кивала. В деревне репутация — дороже золота. Случись Четвёртому Гу устроить скандал, тень позора легла бы на весь род.

— Вот представьте, — продолжала старуха, — что жёны ваших старших братьев вдруг разбогатели бы. И их родня пришла бы к нам в дом требовать половину денег и почётную доску. Вы бы отдали?

— Конечно, нет! — в один голос ответили братья.

— Вот именно. Раз девушка вошла в наш дом — она часть нашей семьи. И если её родне туго придётся, мы поможем по доброте душевной. Но если они придут требовать и скандалить — на том и родству конец.

Старший дядя Гу, Да-бо, ужаснулся этой мысли.

— Четвёртый, матушка правду говорит. Пойдёшь за деньгами — навсегда с сыном врагами станете.

Ли Гуйхуа втайне думала: «Да за пятьдесят лянов я бы и вовсе о нём забыла!» Но свекровь будто мысли читала:

— Семья Ли сейчас за Чжао-эр горой стоит. А ну как он и впрямь на сюцая выучится? И что тогда? Пойдёте кланяться? Сами же своему младшему, Гу Чэню, дорогу в жизни перекроете!

Бабушка Гу и мечтать не смела, что Гу Чжао может подняться выше, но даже звание сюцая — это уже огромная власть в деревне. Откроет свою школу, станет учителем... Разве не лучше

будет, если Гу Чэнь сможет у него учиться по-родственному? Одно дело учить чужака, и совсем другое — свою кровь. Гляньте хоть на Учителя Чжао — как он с внуком занимается и как с Сяо Тянем из Сипина.

— Будь я на вашем месте, я бы сейчас всеми силами старалась со сватами дружбу водить, а вы... Эх! — Старуха только махнула рукой, видя непроходимую глупость невестки.

Лишь когда речь зашла о будущем её младшего сына, Ли Гуйхуа призадумалась. Обида за уплывшие сто лянов ещё жгла сердце, но страх перед свекровью и забота о Гу Чэне перевесили. Да и ссориться со старшим деверем тоже не хотелось. Женщина проворочалась всю ночь, а наутро, измученная терзаниями, сказала мужу:

— Пойдем сегодня в Сипин. Возьмём курицу покрупнее. Всё же радость в семье, нельзя в стороне оставаться.

Четвёртый Гу с облегчением согласился. Так, скрепя сердце и подавляя жадность, супруги собрались, взяли курицу и пятьдесят взней денег и отправились в Сипин к дому Ли Да.

Ли Да зарезал свинью ещё до рассвета.

Помогать пришли и мужчины, и женщины со всей деревни. Во дворе сложили временный очаг, притащили столы и скамьи из общинного дома — те самые, что служили деревне не одно поколение.

Кто-то таскал воду, кто-то мыл и резал овощи, кто-то до блеска оттирал горы посуды. Поставили тесто — скоро начнут парить маньтоу. На деревенских пирах рис подавали редко, слишком уж накладно, зато белых пышных пышек размером с кулак готовили в избытке.

Сегодня хозяин не поскупился — маньтоу были из чистой белой муки. Такое угощение в этих краях было редкостью.

А уж целая свинья на столах и вовсе заставляла людей ахать. Соседи несли кто яйца, кто овощи. Дядя Ван притащил два больших лотка свежего тофу и наотрез отказался брать деньги.

Благодаря совету Гу Чжао жизнь в деревне стала налаживаться, и у людей появилась надежда на сытое будущее.

После смерти Ван Эргоу в семье Ван за главного остался маленький Сяо Тянь. Мальчик души не чаял в дедушке, так что Тётушке Ван пришлось прикусить язык — она понимала, что если будет обижать свёкра, то на старость лет рискует остаться без заботы внука. Теперь в доме Ванов слово дяди Вана было законом.

Пир горой стоял три дня. Приехали друзья из Шили — Гончар Чжу и Чжу Лаосы, пожаловали и родственники из Дунпина.

Гу Чжао видел, как мачеха, несмотря на напускную щедрость, едва сдерживает гримасу боли, отдавая курицу.

— Великая радость в семье! — вещала Ли Гуйхуа. — Подумаешь, курица... Да ещё пятьдесят вэней сверху! Мы с отцом только и мечтаем, чтобы у вас всё ладно было.

И добавила, понизив голос:

— Ты, Чжао'эр, как в люди выдьешься — не забывай родителей-то... Своих родителей, из дома Гу.

Зять только улыбнулся про себя. Теперь-то он понимал, почему она так расщедрилась.

Праздничная суэта в доме Ли не утихала почти неделю. Даже богачи из города заезжали — правда, не пировать, а с деловым предложением: хотели выкупить почётную доску за сто лянов.

Семья Ли отказалась.

Гу Чжао пришлось использовать авторитет уездного судьи, чтобы вежливо спровадить просителей. Он объяснил, что знак этот жалован за «искусное земледелие», а господа богачи — люди почтенные, к тяжёлому труду на пашне не привыкшие, так что такая доска в их доме будет смотреться нелепо. К тому же весной из округа пришлют людей обучаться производству удобрений...

Услышав это, богатей поостыл и, чтобы сохранить лицо, подарил семье ещё десять лянов в знак дружбы. Ли Да денег не взял, зато трижды угостил гостя вином.

Постепенно страсти улеглись. Пир закончился, гости разъехались, а весть о новом удобрении дошла до самых дальних деревень, и люди с нетерпением ждали весны. О хозяине Ли Да теперь говорили с неизменным уважением, поднимая большой палец вверх.

Гу Чжао предложил старосте за свой счёт установить у въезда в деревню большой камень с высеченными словами «Деревня искусных земледельцев». Он не хотел, чтобы все лавры достались только его дому. Ведь если бы не общий богатый урожай Сипина, не видать бы им внимания властей.

Староста был в восторге. Дома он не уставал повторять родным, как повезло Ли Да с зятем.

— Другой бы на его месте нос задрал, а этот — о всей деревне печётся. Видели, как он с самим уездным судьёй держался? А как богатея из города на место поставил — и ведь тот не обиделся, а заулыбался... Большого ума человек!

Его жена только смеялась:

— Да это вся округа уже знает! Чжао-эр — человек с будущим, Чжоучжоу — везунчик, а Ли Да — счастливчик, что такого парня в дом принял. Теперь-то они заживут! Видели б вы лицо Ли Гуйхуа из Дунпина, когда она ту курицу несла... Улыбается, а в глазах — слёзы горькие! Локти кусает, да поздно — зять хоть и носит фамилию Гу, а душой-то он уже весь в семье Ли.

— Удивительное дело, — продолжал староста. — Как там это называлось... какое-то слово мудрёное, не припомню. Но ведь и правда, пока Учёный Гу в дом не вошёл, хоть семья Ли и жила справно, а такого процветания не видала. Да и сам он в доме Гу будто неудачу за собой таскал.

— Видать, — подхватила жена, — они друг друга поддерживают, как два огонька в один костёр сошлись. Раньше-то в деревне шептались, мол, оба горемыки, а вышло-то вон как! Видно, небо решило вознаградить их за все прошлые беды.

Пир закончился, а там и Новый год подошёл. Деревня погрузилась в приятные хлопоты: закупали припасы, жарили сладости. Сын Чжан Чжуцзы, Да-ню, собрался жениться, и его мать, госпожа Тянь, пришла к семье Ли просить Гу Чжао написать праздничные парные надписи и иероглифы «счастье». Свадьбу назначили на восьмое число — день самый что ни на есть удачный. Она ещё раз извинилась перед Чжоучжоу за прошлые обиды и пригласила всю семью на торжество.

Ли Чжоучжоу пообещал быть.

В канун Нового года семья собралась у очага. Ли Да и зять пригубили вина, и юноша решил, что пора открыться.

— Отец, — начал он, — весной я бы хотел снова попытать счастья на экзаменах.

Он не стал ничего таить и выложил всё как есть.

— Раньше я думал подождать год-другой. Учёба — дело дорогое, а мы только дом построили, да за свадьбу долги отдавали, да те восемнадцать лянов... Я не хотел обременять семью. Думал, поднакопим сначала.

Ли Да кивнул, внимательно слушая.

— А с Чжоучжоу ты говорил?

— Чжао-гэ мне вчера всё рассказал, — отозвался Ли Чжоучжоу, слегка смущаясь. — Я думаю, это правильно. Но мы хотели знать ваше мнение.

Тесть не видел причин для отказа. Теперь, когда в доме было серебро, а в закромах полно зерна, почему бы и не дать зятю шанс?

— Иди и сдавай. Весной и отправишься. Я сам вас на муле отвезу.

Экзамены на сюэя длились два дня. Нужно было ехать заранее, чтобы успеть снять комнату в приличной гостинице, да и быт наладить — в такой ответственный момент о еде и покое должен кто-то позаботиться. Чжоучжоу, хоть и робел перед большим городом, твёрдо решил ехать с мужем.

Они долго шептались об этом под одеялом. Гу Чжао, радуясь поддержке супруга, обнял его и весело сказал:

— Вот и славно! С такой поддержкой мне никакие экзамены не страшны. Другие учёные мне обзавидуются!

Чжоучжоу таял от нежности. Он решил, что после праздников обязательно зайдет к жене Учёного Чжу в Шили, чтобы расспросить, как лучше собрать мужа в дорогу.

Начались новогодние гулянья, визиты к родне. В этом году поездка в Дунпин прошла на редкость гладко. Сначала зашли к старшему дяде навестить бабушку Гу. Подарки выбрали достойные — не слишком роскошные, чтобы не вызвать зависти, но и не дешёвые.

Дядя с женой приняли их очень тепло. За прошедший месяц Ли Чжоучжоу привык к вниманию и похвалам, так что теперь держался уверенно и вежливо, не теряясь при разговоре.

Когда молодые направились в дом Четвёртого Гу, госпожа Чжу шепнула свекрови:

— Чжоучжоу-то как переменялся! Совсем другой человек — степенный, важный.

Бабушка Гу довольно кивнула. Хоть она по-прежнему считала, что внешностью невестка не вышла, но её нрав и умение вести дела ей очень нравились.

В доме «родни» их ждал настоящий пир. Ли Гуйхуа превзошла саму себя. Гу Чжао догадывался о причинах такой щедрости и, подкладывая жене лучшие куски, невзначай упомянул о предстоящей поездке в город.

— Матушка, — вздохнул он, — я ведь решил весной снова экзамены сдавать. Не даёт мне покоя былая неудача. Уж не поможете ли вы сыну на дорогу?

Мачеха так и замерла с открытым ртом. Она-то всё утро репетировала, как бы поделикатнее «занять» у Ли Да лянов десять — мол, на ремонт дома не хватает, да маленький Гу Чэнь много требует... Родня же, не откажут!

А тут — на тебе!

— Да у вас же сотня лянов в сундуке! — выпалила она. — Куда же ещё больше-то?!

— Ох, матушка... — юноша снова тяжело вздохнул. — Вы же знаете, какой из меня работник. В поле от меня толку мало, всё на Чжоучжоу да на тесте держится. Времени на книги совсем нет — только месяц-другой в году и получается выкроить. Те сто лянов — они ведь не мои, а семейные. И кто знает, сколько раз мне ещё придётся в город ездить, пока удача не улыбнется?

Ли Гуйхуа едва не вскрикнула: «Да на кой чёрт тогда вообще сдавать, если сам не веришь?! Лучше мне эти деньги отдай!» Но вслух не решилась.

— Эх... — продолжал зять. — С тех пор как моё имя на «доске позора» вывесили, я будто сам не свой. Пока не сдам — не успокоюсь. Чжоучжоу меня жалеет, денег не жалеет... Но ведь жизнь в городе дорогая: жильё, еда, кисти, бумага... Каждая попытка — это целое состояние. Боюсь, как бы мы всё подчистую не просадили.

Ли Чжоучжоу, согласно уговору, хранил молчание и лишь усердно ел, стараясь не смотреть на мачеху.

— Чжоучжоу... — Ли Гуйхуа перевела взгляд на него. — И ты... ты и впрямь согласна всё на это тратить? А Ли Да что говорит?

Тот отложил палочки и серьёзно ответил:

— Раз Чжао-гэ хочет учиться — пусть учится. Отец обещал весной отвезти нас в город.

И добавил:

— Я верю, что в этот раз у него всё получится.

Услышав это, мачеха только и смогла, что сглотнуть обиду. Просить денег теперь было решительно невозможно.

Едва они вышли за ворота дома Гу, Чжоучжоу шепнула мужу:

— Чжао-гэ, быстрее, поплюй: тьфу-тьфу-тьфу!

— Зачем это? — не понял юноша, но послушно трижды сплюнул.

— Больше никогда не говори таких плохих слов о своей учёбе! — строго сказала супруга. — А то небо услышит и решит, что так оно и есть.

Тот рассмеялся, обнимая Ли Чжоучжоу:

— Хорошо-хорошо, больше не буду. Ты ведь уже сказал «хорошие» слова, они все плохие перевесят!

«Пусть всё плохое уходит»

Пятого числа они отправились в Шили к Учёному Чжу. Тот на Новый год вернулся из города, так как в официальной школе не оставалось ни людей, ни угля для обогрева, да и провизию больше не выдавали. Поздравляя друг друга с праздником, Учёный Чжу не мог скрыть лёгкой зависти — ведь Гу Чжао удостоился внимания самого уездного судьи.

Экзамены на цзюйжэня — это осенние испытания, Цювэй. Они долго беседовали о науках. Когда юноша упомянул о намерении сдавать экзамены на сюоя весной, собеседник лишь вежливо кивнул. Про себя тот полагал, что познания Гу Чжао слабоваты, ведь тот всё время проводил в деревне, изучая книги под началом закоренелого учителя, да ещё отвлекался на всякие удобрения.

Однако вслух Учёный Чжу ничего не сказал. Семья Ли теперь богата, могут себе позволить баловство. Сам же он не мог позволить себе ни малейшей ошибки — за его спиной стояли родители, измождённые тяжёлым трудом на пашне. У него не было права на проигрыш.

Прощаясь, они пожелали друг другу исполнения желаний и увидеть свои имена в списках победителей. Гу Чжао искренне хотел, чтобы Учёный Чжу поскорее стал цзюйжэнем и принёс радость своей семье. Тот ответил столь же вежливо, хотя в глубине души сомневался, что фамилия Гу появится в списках этой весной.

<http://bllate.org/book/15349/1423489>